

Лекции по русской истории профессора С. Ф. Платонова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л43

Л43 Лекции по русской истории профессора С. Ф. Платонова / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 152 с.

ISBN 978-5-458-15087-3

ISBN 978-5-458-15087-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Наши занятія русской исторіей умѣстно будетъ начать опредѣленіемъ того, что именно слѣдуетъ понимать подъ словами историческое знаніе, историческая наука. Уяснивъ себѣ, какъ понимается исторія вообще, мы поймемъ, что намъ слѣдуетъ понимать подъ исторіей одного народа и сознательно приступимъ къ изученію русской исторіи.

Исторія существовала въ глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство съ античными историками, Геродотомъ и Фукидидомъ, напримѣръ, покажетъ вамъ, что греки были по своему правы, относя исторію къ области искусствъ. Подъ исторіей они понимали художественный разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ. Задача историка состояла у нихъ въ томъ, чтобы передать слушателямъ и читателямъ вмѣстѣ съ эстетическимъ наслажденіемъ и рядъ нравственныхъ назиданій. Тѣ же цѣли преслѣдовало и искусство.

При такомъ взглядѣ на исторію, какъ на *художественный разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ*, древніе историки держались и соотвѣтствующихъ пріемовъ изложенія. Въ своемъ повѣствованіи они стремились къ правдѣ и точности, но строгой объективной мѣрки истины у нихъ не существовало. У глубоко правдиваго Геродота однако много басенъ (напр., о Египтѣ, о Скиѣахъ), въ однѣ онъ вѣритъ, потому что не знаетъ предѣловъ естественнаго, другія же, и не вѣря въ нихъ, заноситъ въ свой разсказъ, потому что онѣ прельщаютъ его своимъ художественнымъ интересомъ. Мало этого, античный историкъ, вѣрный своимъ художественнымъ задачамъ, считалъ возможнымъ украшать повѣствованіе сознательнымъ вымысломъ. Фукидидъ, въ правдивости котораго мы не сомнѣваемся, влагаетъ въ уста своихъ героев рѣчи, сочиненныя имъ самимъ; но онъ считаетъ себя правымъ въ силу того, что вѣрно передаетъ въ измышленной формѣ дѣйствительныя намѣренія и мысли историческихъ лицъ.

Такимъ образомъ, стремленіе къ точности и правдѣ въ исторіи было до нѣкоторой степени ограничиваемо стремленіемъ къ художественности и занимательности, не говоря уже о другихъ условіяхъ;

мѣшавшихъ историкамъ съ успѣхомъ различать истину отъ басни. Не смотря на это, стремленіе къ точному знанію уже въ древности требуетъ отъ историка *прагматизма*. Уже у Геродота мы наблюдаемъ проявленія этого прагматизма, т. е. желаніе связывать факты причинною связью, не только рассказывать ихъ, но и объяснять изъ прошлаго ихъ происхожденіе.

Итакъ, на первыхъ порахъ исторія опредѣляется, какъ *художественно-прагматическій рассказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ*.

Ко временамъ глубокой древности восходятъ и такіе взгляды на исторію, которые требовали отъ нея, помимо художественныхъ впечатлѣній и практической приложимости. Еще древніе говорили, что *исторія есть наставница жизни* (*magistra vitae*). Отъ историковъ ждали такого изложенія прошлой жизни человѣчества, которое бы объясняло событія настоящаго и задачи будущаго, служило бы практическимъ руководствомъ для общественныхъ дѣятелей и нравственной школой для прочихъ людей. Такой взглядъ на исторію во всей силѣ держался въ средніе вѣка, дожилъ и до нашихъ временъ; онъ, съ одной стороны, прямо сближалъ исторію съ моральной философіей, съ другой, обращалъ исторію въ „скрижаль откровеній и правилъ“ практическаго характера. Одинъ писатель XVII вѣка (De-Rocoles) говорилъ: что „исторія исполняетъ обязанности, свойственныя моральной философіи и даже въ извѣстномъ отношеніи можетъ быть ей предпочтена, такъ какъ, давая тѣ же правила, она присоединяетъ къ нимъ еще и примѣры“. На первой страницѣ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина найдете выраженіе той мысли, что исторію необходимо знать для того, «чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье».

Съ развитіемъ западно-европейской философской мысли стали слагаться новыя опредѣленія исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смыслъ жизни человѣчества, мыслители обращались къ изученію исторіи или съ цѣлью найти въ ней рѣшеніе своей задачи, или же съ цѣлью подтвердить историческими данными свои отвлеченныя построенія. Сообразно съ различными философскими системами, такъ или иначе опредѣлялись цѣли и смыслъ самой исторіи. Вотъ нѣкоторыя изъ подобныхъ опредѣленій: Боссюэтъ (въ XVIII в.) и Лоранъ (въ наше уже время) понимали исторію, какъ изображеніе тѣхъ мировыхъ событій, въ которыхъ съ особенною яркостью выражались пути Провидѣнія, руководящаго человѣческою жизнью въ своихъ цѣляхъ. Итальянецъ Вико (1726) задачею исторіи, какъ науки, считалъ изобра-

женіе тѣхъ одинаковыхъ состояній, которыя суждено переживать всѣмъ народамъ. Известный Гегель въ исторіи видѣлъ изображеніе того процесса, которымъ «абсолютный духъ» достигалъ своего самопознанія (Гегель всю міровую жизнь объяснялъ, какъ развитіе этого «абсолютнаго духа»). Не будетъ ошибкою сказать, что всѣ эти философы требуютъ отъ исторіи въ сущности одного и того же: исторія должна изображать не всѣ факты прошлой жизни человѣчества, а лишь основныя; обнаруживающіе ея общій смыслъ.

Этотъ взглядъ былъ шагомъ впередъ въ развитіи исторической мысли.—простой разсказъ о быломъ вообще, или же случайный наборъ фактовъ различнаго времени и мѣста для доказательства назидательной мысли не удовлетворялъ болѣе. Появилось стремленіе къ объединенію изложенія руководящей идеей, систематизированію историческаго матеріала. Однако, философскую исторію справедливо упрекаютъ въ томъ, что она руководящія идеи историческаго изложенія брала внѣ исторіи и систематизировала факты произвольно. Отъ этого исторія не становилась самостоятельной наукой, а обращалась въ прислужницу философіи.

Наукою исторія стала только въ началѣ нашего вѣка, когда въ Германіи, въ противовѣсъ французскому рационализму, развился идеализмъ, въ противовѣсъ французскому космополитизму, появились идеи націонализма, дѣятельно изучалась національная старина и стало господствовать убѣжденіе, что жизнь человѣческихъ обществъ совершается закономерно, въ такомъ порядкѣ естественной послѣдовательности, который не можетъ быть нарушенъ и измѣненъ ни случайностями, ни усиліями отдѣльныхъ лицъ. Съ этой точки зрѣнія главный интересъ въ исторіи стало представлять изученіе не случайныхъ внѣшнихъ явленій и не личной дѣятельности выдающихся личностей, а изученіе общественнаго быта на разныхъ ступеняхъ его развитія. Исторія стала пониматься, какъ *наука о законахъ исторической жизни человѣческихъ обществъ*.

Это опредѣленіе различно формулировали историки и мыслители. Знаменитый Гизо, напримѣръ, понималъ исторію, какъ ученіе о міровой и національной цивилизаціи (понимая цивилизацію въ смыслѣ развитія гражданскаго обществія). Философъ Шеллингъ считалъ національную исторію средствомъ познанія „національнаго духа“. Отсюда выросло распространенное опредѣленіе исторіи, какъ *пути къ народному самознанію*. Явились далѣе попытки понимать исторію, какъ науку, долженствующую раскрыть общіе законы развитія общественной жизни внѣ приложенія ихъ къ извѣстному мѣсту, времени и народу. Но эти попытки въ сущности присвоивали исторіи задачи другой науки—со-

ціології. Історія єсть наука, изучающая конкретные факты въ условіяхъ именно времени и мѣста и главной цѣлью ея признается систематическое изображеніе развитія и измѣненій жизни отдѣльныхъ историческихъ обществъ и всего человечества.

Такая задача требуетъ многого для успѣшнаго выполненія. Для того, чтобы дать научно-точную и художественно-цѣльную картину какой либо эпохи народной жизни или полной исторіи народа, необходимо: 1) собрать историческіе матеріалы, 2) изслѣдовать ихъ достоверность, 3) возстановить точно отдѣльные историческіе факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести ихъ въ общій научный обзоръ или въ художественную картину. Тѣ способы, которыми историки достигаютъ указанныхъ частныхъ цѣлей, называются научными критическими приѣмами. Приѣмы эти совершенствуются съ развитіемъ исторической науки, но до сихъ поръ ни эти приѣмы, ни самая наука исторіи не достигли полного своего развитія. Историки не собрали и не изучили еще всего матеріала, подлежащаго ихъ вѣдѣнію и это даетъ поводъ говорить, что исторія єсть наука, не достигшая еще тѣхъ результатовъ, какихъ достигли другія, болѣе точныя науки. И однако, никто не отрицаетъ, что исторія єсть наука съ широкимъ будущимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ къ изученію фактовъ всемірной исторіи стали подходить съ тѣмъ сознаніемъ, что жизнь человѣческая развивается закономѣрно, подчинена вѣчнымъ и неизмѣннымъ отношеніямъ и правиламъ,—съ тѣхъ поръ идеаломъ историка стало раскрытіе этихъ постоянныхъ законовъ и отношеній. За простымъ анализомъ историческихъ явленій, имѣвшимъ цѣлью указать ихъ причинную послѣдовательность: открылось болѣе широкое поле—историческій синтезъ, имѣющій цѣлью возсоздать общій ходъ всемірной исторіи въ ея цѣломъ указать въ ея теченіи такіе законы послѣдовательности развитія, которые были бы оправданы не только прошлымъ, но и будущимъ человечества.

Этимъ широкимъ идеаломъ не можетъ непосредственно руководиться *русскій* историкъ. Онъ изучаетъ только одинъ фактъ міровой исторической жизни—жизнь своей національности. Состояніе русской исторіографіи до сихъ поръ таково, что иногда налагаетъ на русскаго историка обязанность просто собирать факты и давать имъ первоначальную научную обработку. И только тамъ, гдѣ факты уже собраны и освѣщены, мы можемъ возвыситься до нѣкоторыхъ историческихъ обобщеній, можемъ подмѣтить общій ходъ того или другого историческаго процесса, можемъ даже на основаніи ряда частныхъ обобщеній

сдѣлать смѣлую попытку:—дать схематическое изображеніе той послѣдовательности, въ которой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далѣе такой общей схемы русскій историкъ итти не можетъ, не выходя изъ границъ своей науки. Для того, чтобы понять сущность и значеніе того или другого историческаго факта въ исторіи Руси, онъ можетъ искать аналогіи въ исторіи всеобщей. Добытыми результатами онъ можетъ служить историкѣ всеобщему, положить и свой камень въ основаніе общенсторическаго синтеза. Но этимъ и ограничивается его связь съ исторіей и вліяніе на нее. Конечной цѣлью русской исторіографіи всегда останется построеніе системы мѣстнаго историческаго процесса.

Построеніемъ этой системы разрѣшается и другая, болѣе практическая задача, лежащая на русскомъ историкѣ. Извѣстно старинное убѣжденіе, что національная исторія есть путь къ національному самосознанію. Дѣйствительно, знаніе прошлаго помогаетъ понять настоящее и объясняетъ задачи будущаго. Народъ, знакомый со своею исторіей, живетъ сознательно, чутокъ къ окружающей его дѣйствительности и умѣетъ понимать ее. Задача,—въ данномъ случаѣ можно выразиться,—долгъ,—національной исторіографіи заключается въ томъ, чтобы показать обществу его прошлое въ истинномъ свѣтѣ. При этомъ нѣтъ нужды вносить въ исторіографію какія бы то ни было предвзятыя точки зрѣнія: субъективная идея не есть идея научная, а только научный трудъ можетъ быть полезенъ общественному самосознанію. Оставаясь въ сферѣ строго-научной, выдѣляя тѣ господствующія начала общественнаго быта, которые характеризовали собою различные стадіи русской исторической жизни, изслѣдователь раскроетъ обществу главнѣйшіе моменты его историческаго бытія и этимъ достигнетъ своей цѣли. Онъ дастъ обществу разумное знаніе, а приложеніе этого знанія зависитъ уже не отъ него.

Такъ и отвлеченныя соображенія и практическія цѣли ставятъ русской исторической наукѣ одинаковую задачу—систематическое изображеніе русской исторической жизни, общую схему того историческаго процесса, который привелъ нашу національность къ ея настоящему состоянію.

Исторіографическія замѣчанія. Когда же началось систематическое изображеніе событій русской исторической жизни и когда русская исторія стала наукой? Еще въ Кіевской Руси, на ряду съ возникновеніемъ гражданственности, въ XI вѣкѣ, появились у насъ первыя лѣтописи. Это были перечни фактовъ, важныхъ и неважныхъ, историческихъ и неисторическихъ, въ перемежку съ литературными сказаніями.

Съ нашей точки зрѣнія древнѣйшія лѣтописи и не представляютъ собою историческаго труда: не говоря о содержаніи—и самыя приемы лѣтописца не соответствуютъ теперешнимъ требованіямъ. Зачатки исторіографіи у насъ появляются въ XVI вѣкѣ, когда историческія сказанія и лѣтописи стали впервыя свѣрять и сводить въ одно цѣлое. Въ XVI вѣкѣ сложилась и оформилась Московская Русь. Сплотившись въ единое тѣло, подъ властью единаго Московскаго князя, русскіе старались объяснить себѣ и свое происхожденіе, и свои политическія цѣли, и свои отношенія къ окружающимъ ихъ государствамъ. И вотъ, въ 1512 году составляется первый *хронографъ*, т. е. обзорнѣе всемірной исторіи. Большая часть его заключала въ себѣ переводы съ греческаго языка, и только, какъ дополненія внесены русскія и славянскія историческія сказанія. Хронографъ этотъ кратокъ, но даетъ достаточный запасъ историческихъ свѣдѣній, за нимъ появляются и вполнѣ русскіе хронографы, представляющіе собою переработку перваго. Вмѣстѣ съ ними возникаютъ въ XVI вѣкѣ лѣтописныя своды, составленные по древнимъ лѣтописямъ, но представляющіе не сборники механически сопоставленныхъ фактовъ, а произведенія, связанные одной общей идеей. Первымъ такимъ произведеніемъ была „*Степенная книга*“, получившая такое названіе потому, что она раздѣлялась на главы или на „*степени*“, какъ ихъ тогда называли. Она передавала въ хронологическомъ, послѣдовательномъ, т. е. „*постепенномъ*“ порядкѣ дѣятельность русскихъ митрополитовъ и князей, начиная съ Рюрика. Авторомъ этой книги считаютъ митрополита Кипріяна, но окончательно она была обработана митрополитомъ Макаріемъ при Иванѣ Грозномъ, т. е. въ XVI вѣкѣ. Въ основаніи Степенной книги лежитъ тенденція и общая и частная. Общая проглядываетъ въ желаніи показать, что власть Московскихъ князей есть не случайная, а преемственная, съ одной стороны, отъ южно-русскихъ, кievскихъ князей, съ другой стороны, отъ византійскихъ царей. Частная же тенденція сказалась въ томъ уваженіи, съ какимъ неизмѣнно повѣтствуется о духовной власти. „*Степенная книга*“ можетъ быть названа историческимъ трудомъ въ силу извѣстной системы изложенія. Въ XVII вѣкѣ, былъ составленъ другой историческій трудъ, „*Воскресенская лѣтопись*“, болѣе интересная по обилію матеріала. Въ основаніе ея легли всѣ прежнія лѣтописи: „*Софійскій временникъ*“ и пныя, такъ что фактовъ въ этой лѣтописи дѣйствительно много, но скрѣплены они чисто механически. Тѣмъ не менѣе, „*Воскресенская лѣтопись*“ представляется намъ самымъ цѣннымъ историческимъ произведеніемъ изъ всѣхъ, ей современныхъ или болѣе раннихъ, такъ какъ она составлена безъ всякой тенденціи и заключаетъ въ себѣ много

свѣдѣній, которыхъ нигдѣ болѣе не находимъ. Своею простотою она могла не нравиться, безыскусственность изложенія могла казаться убогою знатокамъ риторическихъ приѣмовъ и вотъ ее подвергли переработкѣ и дополненіямъ и составили, какъ кажется, въ XVII же вѣкѣ новый сводъ, называемый „*Никоновской лѣтописью*“. Въ этомъ сводѣ мы видимъ много свѣдѣній, заимствованныхъ изъ греческихъ хронографовъ, по исторіи греческихъ и славянскихъ странъ, лѣтопись же о русскихъ событіяхъ, особенно о вѣкахъ позднѣйшихъ, хотя и подробная, но не совсѣмъ надежная: точность изложенія пострадала отъ литературной переработки; поправляя безхитростный слогу прежнихъ лѣтописей, невольно искажали и смыслъ нѣкоторыхъ событій. Въ 1674 году появился въ Кіевѣ и первый учебникъ русской исторіи—, „*Синодичесъ Инокентія Гизеля*, очень распространенный въ эпоху Петра Великаго (онъ часто встрѣчается и теперь). Если рядомъ со всѣми этими переработками лѣтописей помянемъ рядъ литературно написанныхъ сказаній объ отдѣльныхъ историческихъ фактахъ и эпохахъ (напр., Сказаніе кн. Курбскаго, повѣсти о Смутномъ времени, со всѣмъ этимъ встрѣтимся ниже), то мы обнимемъ весь тотъ скудный запасъ историческихъ трудовъ, съ которыми Русь дожила до эпохи Петра Великаго, до учрежденія Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Петръ Великій очень заботился о составленіи исторіи Россіи и поручалъ это дѣло различнымъ лицамъ. Но только послѣ его смерти началась ученая разработка историческаго матеріала и первыми дѣятелями на этомъ поприщѣ явились ученые нѣмцы, члены петербургской Академіи; изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать *Готлиба Сигфрида Байера* (1694—1738). Онъ началъ съ изученія племенъ, населявшихъ Россію въ древности, особенно варяговъ, но далѣе этого не пошелъ. Байеръ оставилъ послѣ себя много трудовъ, изъ которыхъ два довольно капитальныхъ произведенія написаны на латинскомъ языкѣ, и теперь уже не имѣютъ большого значенія для исторіи Россіи, это: «*Сѣверная Географія*» и «*Исслѣдованія о Варягахъ*» (ихъ перевели по-русски только въ 1767 г.). Гораздо плодотворнѣе были труды *Герарда Фридриха Миллера*, который жилъ въ Россіи при императрицахъ Аннѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ II. и уже настолько хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ, что писалъ свои произведенія по русски. Онъ много путешествовалъ по Россіи (прожилъ 10 лѣтъ съ 1733—1743 г. въ Сибири) и хорошо изучилъ ее. На литературномъ историческомъ поприщѣ онъ выступилъ, какъ издатель русскаго журнала «*Ежемесячныя Сочиненія*» (1755—1765) и сборника на нѣмецкомъ языкѣ «*Sammlung Russischer Geschichte*» 9 т. 1732—1765). Главною заслугою Миллера было собраніе матеріа-

ловъ по русской исторіи; его рукописи (такъ наз. Миллеровскіе портфели) служили и служатъ богатымъ источникомъ для издателей и изслѣдователей. И изслѣдованія Миллера имѣли значеніе; онъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, заинтересовавшихся позднѣйшими эпохами нашей исторіи; имъ посвящены его труды: «Опытъ новѣйшей исторіи Россіи», и «Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ». Наконецъ, онъ былъ первымъ ученымъ архиваріусомъ въ Россіи и привелъ въ порядокъ московскій архивъ Иностранной коллегіи, директоромъ котораго и умеръ (1783 г.). Среди академиковъ XVIII в. видное мѣсто трудами по русской исторіи занялъ и *Ломоносовъ*, написавшій учебную книгу русской исторіи и одинъ томъ „Древней Русской исторіи“ (1766). Его труды по исторіи были обусловлены полемикой съ академиками-нѣмцами. Послѣдніе вели Русь-Варяговъ отъ норманновъ и норманскому вліянію приписывали происхожденіе гражданственности на Руси, которую до пришествія варяговъ представляли страной дикою. Ломоносовъ же варяговъ признавалъ за славянъ и, такимъ образомъ, русскую культуру считалъ самобытною.

Названные академики, собирая матеріалы и изслѣдуя отдѣльные вопросы нашей исторіи, не успѣли дать общаго ея обзора, необходимость котораго чувствовалась русскими образованными людьми. Попытки дать такой обзоръ появились внѣ академической среды.

Первая попытка принадлежить *В. Н. Татищеву* (1686—1750). Занимаясь собственно вопросами географическими, онъ увидѣлъ, что разрѣшить ихъ невозможно безъ знанія исторіи и, будучи человѣкомъ всесторонне образованнымъ, сталъ самъ собирать свѣдѣнія по русской исторіи и занялся ея составленіемъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ писалъ онъ свой историческій трудъ, переработалъ его не одинъ разъ, но только въ 1768 г. началось его изданіе. Въ теченіи 6-ти лѣтъ вышло 4 тома, 5-ый же томъ былъ случайно найденъ уже въ нашемъ вѣкѣ и изданъ „Московскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ“. Въ этихъ 5-ти томахъ Татищевъ довелъ свою исторію до смутной эпохи XVII вѣка. Въ первомъ томѣ мы знакомимся со взглядами самого автора на русскую исторію и съ источниками, которыми онъ пользовался при ея составленіи; мы находимъ цѣлый рядъ научныхъ эскизовъ о древнихъ народахъ—варягахъ, славянахъ и др. Татищевъ нерѣдко прибѣгалъ къ чужимъ трудамъ, такъ напр. онъ воспользовался изслѣдованіемъ „о Варягахъ“ Байера и прямо включилъ его въ свой трудъ. Исторія эта теперь, конечно, устарѣла, но научнаго значенія она не потеряла, такъ какъ (въ XVIII вѣкѣ) Татищевъ обладалъ такими источниками, которыхъ теперь нѣтъ, и, слѣдовательно, многіе изъ фактовъ, имъ

приведенныхъ, уже возстановить нельзя. Это возбудило подозрѣніе, существуютъ ли нѣкоторые источники, на которые онъ ссылался, и Татищева стали обвинять въ недобросовѣстности. Особенно не довѣряли приводимой имъ „Іоакимовской Лѣтописи“. Однако, изслѣдованіе этой лѣтописи показало только, что Татищевъ не сумѣлъ отнестись къ ней критически и включилъ ее цѣликомъ, со всѣми ея баснями, въ свою исторію. Строго говоря, трудъ Татищева есть ни что иное, какъ подробный сборникъ лѣтописныхъ данныхъ, изложенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; тяжелый его языкъ и отсутствіе литературной обработки дѣлали его неинтереснымъ для современниковъ. Первая популярная книга по русской исторіи принадлежала перу *Екатерины II*, но трудъ ея „*Записки касательно Русской исторіи*“, доведенный до конца XIII вѣка, научнаго значенія не имѣетъ и интересенъ только, какъ первая попытка рассказать обществу легкимъ языкомъ его прошлое. Гораздо важнѣе въ научномъ отношеніи была „*Исторія Россіи князя Щербатова*“, (1770—1792), которою впоследствии пользовался и Карамзинъ. Щербатовъ былъ человѣкъ не сильнаго философскаго ума, но начитавшійся просвѣтительной литературы XVIII в. и всецѣло сложившійся подъ ея влияніемъ, что и отразилось на его трудѣ, въ который онъ внесъ много предвзятыхъ мыслей. Въ историческихъ свѣдѣніяхъ онъ до такой степени не успѣвалъ разбираться, что заставлялъ иногда своихъ героев по 2 раза умирать. Но, несмотря на такіе крупныя недостатки. Исторія Щербатова имѣетъ научное значеніе, благодаря многимъ приложениямъ, заключающимъ въ себѣ историческіе документы. Особенно интересны дипломатическія бумаги XVI и XVII вѣковъ. Доведенъ его трудъ до смутной эпохи. Случилось, что при Екатеринѣ II, нѣкто французъ *Леклеркъ*, совершенно не знавшій ни русскаго государственнаго строя, ни народа, ни его быта, написалъ „*L'histoire de la Russie*“ (67 г.), при чемъ въ ней было такъ много клеветъ, что она возбудила всеобщее негодованіе. *И. Н. Болтинъ* (1735—1792) любитель русской исторіи, написалъ рядъ замѣтокъ, въ которыхъ обнаружилъ невѣжество Леклерка и которыя издалъ въ 2 томахъ. Въ нихъ онъ отчасти задѣлъ и Щербатова. Щербатовъ обидѣлся и написалъ—*Возраженіе*, Болтинъ отвѣчалъ печатными письмами и приступилъ къ критикѣ на „Исторію“ Щербатова. Труды Болтина, обнаруживающіе въ немъ историческій талантъ, интересны по новизнѣ взглядовъ. Болтина не совсѣмъ точно зовутъ иногда „первымъ славянофиломъ“, потому что онъ отмѣчалъ много темныхъ сторонъ въ слѣпомъ подраженіи западу, подражаніи, которое замѣтно стало у насъ послѣ Петра, и желалъ, чтобы Россія

крѣпче хранила добрыя начала прошлаго вѣка. Самъ Болтинъ интересенъ, какъ историческое явленіе. Онъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ XVIII в. въ обществѣ даже у не спеціалистовъ по исторіи, былъ живой интересъ къ прошлому своей родины. Взгляды и интересы Болтина раздѣлялъ *Н. П. Новиковъ*, извѣстный ревнитель русскаго просвѣщенія, собравшій „Древнюю Россійскую Вивліюику“ (20 томовъ), обширный сборникъ историческихъ документовъ и изслѣдованій, изданный въ 1788—1791 гг. Одновременно съ нимъ, какъ собиратель историческихъ матеріаловъ, выступилъ купецъ *Голиковъ*, издавшій сборникъ историческихъ данныхъ о Петрѣ Великомъ подъ названіемъ «*Дѣянія Петра В.*» (1-ое изд. 1788—1790, 2-ое 1837 года). Такимъ образомъ, рядомъ съ попытками дать общую Исторію Россіи, зарождается и стремленіе подготовить матеріалы для такой исторіи. Помимо инициативы частной, въ этомъ направленіи работаетъ и сама Академія Наукъ, издавая лѣтописи для общаго съ ними ознакомленія.

Но во всемъ томъ, что нами перечислено, еще было мало научности въ нашемъ смыслѣ; не существовало строгихъ критическихъ приемовъ, не говоря уже объ отсутствіи цѣльныхъ историческихъ представленій.

Впервые рядъ научно-критическихъ приемовъ въ изученіе русской исторіи внесъ ученый иностранецъ *Шлецеръ* (1735—1809). Познакомившись съ русскими лѣтописями, онъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ—ни у одного народа не встрѣчалъ онъ такого богатства свѣдѣній, такого поэтическаго языка. Уже выѣхавъ изъ Россіи и будучи профессоромъ Геттингенскаго университета, онъ неустанно работалъ надъ тѣми выписками изъ лѣтописей, которыя ему удалось вывезти изъ Россіи.

Результатомъ этой работы былъ знаменитый трудъ, напечатанный подъ заглавіемъ «*Исторія*» (1805 г. по-нѣмецки, 1809—1819 по-русски). Это цѣлый рядъ историческихъ этюдовъ о русской лѣтописи. Въ предисловіи авторъ даетъ краткій обзоръ того, что сдѣлано по русской исторіи. Онъ находитъ положеніе науки въ Россіи — печальнымъ, къ историкамъ русскимъ относится съ пренебреженіемъ, считаетъ свою книгу почти единственнымъ годнымъ трудомъ по русской исторіи. И дѣйствительно, трудъ его далеко оставлялъ за собою всѣ прочіе, по степени научнаго сознанія и приемовъ автора. Эти приемы создали у насъ какъ бы школу учениковъ Шлецера, первыхъ ученыхъ изслѣдователей, вроде М. П. Погодина. Послѣ Шлецера стали возможны у насъ строгія историческія изысканія, для которыхъ, правда, создава-